

Станислав Андрески

САМОЕ УЯЗВИМОЕ МЕСТО: ПОНЯТИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Понятие рациональности и рационализации постоянно встречается в сочинениях Вебера и обладает ключевым значением в его концепции социальной эволюции. Однако это понятие остается совершенно неопределенным. Вебер нигде не определяет строго рациональность как таковую, предлагая взамен различие между двумя ее разновидностями: «целевой рациональностью» и «ценностной рациональностью». Это различие можно обнаружить в посмертно опубликованных заметках, которые включены в первый том его труда «Хозяйство и общество» (а также в английский перевод данного труда под названием «Теория социальной и экономической организации»). В этих заметках указанное различие используется для предварительной классификации типов социального действия. В ее состав входят четыре типа действий: аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целе-рациональное. Следует подчеркнуть еще раз: различие между «ценностной рациональностью» и «целевой рациональностью» остается совершенно неопределенным, а его польза крайне сомнительна. В крайнем случае «ценностная рациональность» может быть определена как постоянное стремление к строго определенному идеалу. Тогда как «целевая рациональность» означает рациональность в том виде, как она понимается в технике и науке управления. Речь идет о расчетливом и правильном выборе средств, наиболее подходящих для достижения конкретной цели.

Если идеал, к которому мы стремимся, есть разновидность цели, то «ценностная рациональность» есть разновидность «целевой рациональности». И наоборот: цель может быть определенной ценностью. Следовательно, мы имеем дело с двумя словами, которые используются для обозначения одного и того же феномена. Как пример «целевой рациональности» Вебер приводит действие, которое соответствует принципу максимальной полезности. Однако на деле такое действие больше соответствует категории «ценностной рациональности» (если мы согласны ее сохранить). Ведь существенное свойство «ценностной рациональности» – единая шкала оценок, позволяющая измерить степень достижения поставленных целей.

Веберовские понятия «целевой рациональности» и «ценностной рациональности» вызвали длительную дискуссию. Я считаю, что она была бесполезной. Вебер прекрасно обходился без указанных понятий при конкретном анали-

зе и объяснении исторических явлений. В эмпирических исследованиях он ни разу не сослался на введенное им строгое различие, зато часто использовал понятий «рациональный» и «рационализация» без дополнительных предикатов. Иначе говоря, Вебер практически не пользовался собственным различием. Этот факт еще не является доказательством его бесполезности. Но мы можем последовать примеру Вебера и в дальнейшем анализе исключить указанное различие. Нетрудно убедиться, что оно не соответствует правилам логики.

Правда, в настоящее время слово «рационализация» часто используется в том смысле, который ему придал Фрейд. Поэтому я сразу должен подчеркнуть: фрейдовский смысл термина «рационализация» не имеет ничего общего со смыслом, который вкладывал в это слово Вебер. В концепции Фрейда рационализация означает поиск (изобретение) оправдания (обоснования) собственных действий задним числом. Причем, действующий индивид полагает, что указанные оправдания и обоснования обладают истиной. Тогда как исследователю известна их ложность, поскольку на основе психоанализа он убедился в том, что анализируемое действие было либо принудительным, либо направлялось бессознательным стремлением действующего индивида к совершенно иной цели по сравнению с той, которая формулировалась в обосновании. Постгипнотическая внушаемость является классическим примером такой ситуации: индивид совершает действие, внушенное ему под гипнозом, но стремится обосновать это действие мнимо рациональными соображениями. Разумеется, здесь не место анализировать обоснованность теории психоанализа. Я упоминаю о ней лишь для того, чтобы предупредить читателя-фрейдиста: веберовское понимание рационализации не имеет ничего общего с фрейдовским пониманием.

Когда Вебер говорил о бюрократии и промышленном производстве, он использовал понятие «рационализации» в значении, близком к смыслу, который вкладывается в это понятие экспертами по бизнесу. Под «рационализацией» они обычно понимают процесс реорганизации (совершенствования организации) предприятия, при котором любое изменение служит для достижения одной главной цели – максимальной прибыли. Эта посылка – стремление к максимуму прибыли – не всегда формулируется явно. И потому люди обычно говорят о рационализации и эффективности таким образом, как будто эти элементы независимы друг от друга, а не взаимно переплетены. Однако положение совершенно изменилось после того, как в управлении начали применять исследование операций и прикладную математику. Это позволило заменить неопределенные понятия рационализации и эффективности более строгим понятием «максимизация определенных переменных». Стало ясно, что нет никаких оснований говорить о рационализации и эффективности без четкого определения цели (целей), которая должна быть достигнута. То, что рационально и эффективно для достижения одной цели, может быть совершенно нерациональным и неэффективным при достижении другой цели и даже мешать ее реализации. Конечно, Вебер не виноват в том, что жил во времена, когда не было ни исследования

операций, ни теории организации. Но сегодня уже ничем нельзя оправдать применение указанных понятий без надлежащего уточнения.

Можно попытаться спасти понятие рационализации от потери всякого смысла. В этом случае следует предположить, что оно означает верный выбор доступных средств для достижения данной цели. В состав таких средств обычно входит знание, которым располагает человек. Блуждание вслепую по неизвестной местности нельзя назвать иррациональным, если мы ищем определенную местность, но у нас нет ни карты, ни возможности спросить у кого-либо о том, как найти дорогу. То же самое относится к знаниям, которые мы усваиваем. Например, если мы не знаем, где находится местность Кузко, то такое незнание нельзя назвать иррациональным. Но если мы желаем узнать расположение этой местности, то копание в памяти (вместо того, чтобы посмотреть в энциклопедии), безусловно, есть иррациональное действие. Иначе говоря, критерии рационального принятия решений при познании и конкретной практической деятельности тождественны. Однако теория решений внесла множество уточнений в эту общую схему. Они относятся прежде всего к множественности целей и условий, связанных со степенью их достижения. Обладание одним предметом может уменьшать возможность обладания другим предметом. В этом случае принятие рационального решения о выборе зависит от правильного измерения полезности данных предметов. Затем следует осуществить процедуру расчета с точки зрения того, какой выбор гарантирует максимум пользы для нас. Однако определить вероятность следствий принятых решений крайне сложно. Например: что предпочесть – прибыль большую, но менее вероятную, или меньшую, но более вероятную? При ответе на этот вопрос возникает множество крайне запутанных и сложных проблем. Особенно тогда, когда степень вероятности результата не может быть выведена из вероятности частоты наблюдения прежних событий. Мы можем сталкиваться также с несколькими переменными. Причем, взаимодействие каждой пары переменных зависит от отношения каждой из них ко всем остальным переменным. В этом случае взаимодействие между ними настолько сложно, что получить адекватную картину ситуации нельзя даже тогда, когда используются крайне сложные математические уравнения. Предмет математической теории игр – анализ взаимодействия лиц, принимающих решения. Каждое лицо знает, что результат его действия будет зависеть от реакции других игроков на принятое решение. На основе этой теории можно получить определенную информацию. Но возможность ее использования зависит от количества игроков: чем больше действующих лиц, тем труднее использовать такую информацию. Она не может быть применена и ко всем ситуациям, в которых цели не сформулированы строго, а степень и вероятность их достижения не могут быть измерены (например, когда вероятность исключения возможных расходов остается неизвестной). Как раз с такими ситуациями мы постоянно встречаемся в политике.

Конечно, Вебер не имел представления об указанных методах, поскольку они были изобретены много лет спустя после его смерти. И все же вовсе необязательно вдаваться в такие тонкости для того, чтобы показать недостатки Веберовского понятия рациональности. Пустоту абсолютных суждений о рациональности (когда не учитываются конкретные цели и связанные с ними обстоятельства действия) можно прекрасно проиллюстрировать на следующем примере. Можно ли полагать, что механическая пила и бульдозер лучше (рациональнее) по сравнению с ножом и лопатой? На безлюдном острове они ничуть не лучше. То же самое можно сказать и об условиях современного города, если цель – подточить карандаш или подрезать розы в палисаднике. Можно ли полагать, что автоматизированная фабрика обуви лучше орудий труда сапожника? Конечно, фабрика лучше приспособлена к быстрому производству большого количества обуви. Но если бы кто-то попытался привести в действие такую фабрику сотню лет назад, его действие следовало бы признать иррациональным и даже сумасбродным. В то же время вполне рационально действие по возврату к ремесленному способу производства обуви, если (по каким-либо причинам) исчерпаны ресурсы машин, энергии и транспорта.

Вебер неоднократно писал о «рационализации мировоззрения» как уникальном свойстве цивилизации Запада. Я думаю, он имел в виду феномен, который обычно определяется как возрастание роли науки и научного мировоззрения. В этом смысле прогресс рационализма может пониматься как распространение убеждения: наблюдение и рассуждение (а не вера) есть единственный источник знания. При описании развития рационализма историки имели в виду именно это явление. Достаточно упомянуть Уильяма Э.Лэцки – автора книги «История свободомыслия в Европе», вышедшей в 1865 г. Но чтобы избежать недоразумения, следует учесть, что так понятый рационализм – понятие более широкое по сравнению с рационализмом, который в истории философии противопоставлялся эмпиризму. В последнем случае спор шел вокруг другого вопроса: что является источником знания – рассуждение или наблюдение? Однако нетрудно убедиться, что оба подхода являются элементами широкого понимания рационализма. Это замечание относится к разным объемам понятия «рационализм». Следовательно, философский спор эмпиризма и рационализма можно отложить в сторону, поскольку он не имеет ничего общего с главным объектом интереса Вебера.

Основной недостаток понимания рационализации как научно-технического прогресса – затушевывание различия между отрицанием и недоступностью правильных и надлежащих средств действия. Речь идет прежде всего о знании. Является вполне рациональным действие, когда мы используем камень для того, чтобы забить гвоздь. Но не тогда, когда молоток лежит на расстоянии протянутой руки. Колумб действовал рационально, питая надежду на достижение Индии, двигаясь на Запад от Испании. Но сегодня такое действие мы назвали бы сумасбродным. Не были рациональными и магическими верования, по-

сколькx отсутствовали знания, на основании которых можно было бы доказать ложность магии. Следовательно, веберовский смысл термина «рационализация» смешивает проблему накопления знания с вопросом об отношении к нему.

Задолго до Вебера было известно, что Запад – место рождения науки и рационализма. При этом рационализм понимался как убеждение в том, что наблюдение и логическое рассуждение – единственные источники знания. Так что Вебер не сказал ничего нового о социальных условиях генезиса и развития науки. Зато он внес большой (хотя и опосредованный) вклад в объяснение эпохального процесса развития науки. Вебер сформулировал новые идеи о развитии капитализма, поскольку генезис и развитие капитализма и науки – процессы, взаимосвязанные географически и хронологически. Можно строить догадки о наличии такой связи в будущем и даже в настоящем. Но нет никакого сомнения в том, что в прошлом (по крайней мере, до первой мировой войны, когда правительства вмешались в дела науки) прогресс науки имел место только там, где развивался капитализм. Иначе говоря, в регионах, лидирующих в развитии капитализма, наука развивалась не менее бурно. Это обобщение относится и к цивилизациям Азии. Период расцвета арабской, индусской и китайской протонауки совпадает с периодом наиболее бурного развития рудиментарного капитализма и высоким положением купцов в данных культурах. Следовательно, каждый шаг при объяснении генезиса капитализма должен проливать свет на происхождение и развитие науки. Указанные процессы взаимосвязаны. Однако развитие науки и развитие капитализма не являются идентичными процессами. Каждый из них обладает одновременно общими и специфичными корнями. Я здесь не буду входить в анализ этой крайне важной проблемы. Но одно замечание все-же сделаю: пионеры науки кардинально отличались от капиталистов. Пионеры науки руководствовались совершенно другими убеждениями и мотивами, а нередко вообще не имели ничего общего с капиталистами. Следовательно, проблема сосуществования в одном месте и времени обоих типов действия нуждается в дальнейшем исследовании. Тогда как Вебер называл одним термином «рационализация» оба процесса, присовокупляя к ним рост и усложнение административной машины. Такой подход не благоприятствует объяснению сложной цепи причинно-следственных связей в истории.

Невозможно отрицать, что наука, техника и искусство организации различных совместных действий на Западе более развиты по сравнению с аналогичными умениями эскимосов и бушменов. Тем более что гибель обществ эскимосов и бушменов доказывает большую рациональность стран Запада. Однако я не вижу никаких оснований для утверждения: культура и социальный порядок Запада в целом рациональнее культуры и социального порядка эскимосов и бушменов. Разумеется, уничтожение обществ эскимосов и бушменов доказывает, что современные нации сильнее. Но я не вижу никакого проку от использования термина «рациональный» как синонима военной или экономической

силы. Если же вынести за скобку фактор внешней интервенции и оценивать культуры с точки зрения их способности к самосохранению, то культура эскимосов совершеннее культуры Запада. Предоставленные самим себе и собственному образу жизни эскимосы могут просуществовать тысячи, а то и миллионы лет. Тогда как наша цивилизация стремится к самоубийству, очертя голову. С экологической точки зрения ни одна другая цивилизация не сравнится с нашей цивилизацией, которая напоминает человека, рубящего сук, на котором он сидит. Правда, в защиту Вебера можно сказать, что он создавал свои труды в то время, когда еще не существовало угроз экологической катастрофы и термоядерной гибели. Но именно во время его жизни европейские государства развязали войну, в итоге которой даже победители потерпели поражение. Войны Чингисхана, Магомета или вождя зулусов Чаки были рациональнее, поскольку в результате войн победители достигали поставленных целей. Если оставить в стороне проблемы морали и рассматривать вопрос чисто технически, то неизбежен вывод: Чингисхан, Атилла и Чаки были намного более рациональными стратегами, политиками и тактиками по сравнению с государственными деятелями и генералами Европы периода первой мировой войны. Первые не располагали ничем, кроме доступных средств и знаний. Поэтому трудно вообразить, что они могли бы достичь еще больших успехов по сравнению с достигнутыми. Тогда как Хейг, Петен, Ллойд Джордж, император Вильгельм, царь Николай и почти все остальные монархи, государственные деятели и генералы стран, принимавших участие в первой мировой войне, могут служить показательными примерами уникального сплава некомпетентности и глупости. А из главных фигур второй мировой войны только Сталин заслуживает имени рационально действующего человека. Только у него были вполне определенные и далекоидущие планы, которые он смог реализовать, используя подходящие (хотя и неморальные средства) средства. Черчилль все еще считается последним воплощением британской славы. А по сути дела он был бездарным человеком, поскольку привел свою страну к поражению, которое было выдано за победу. Следует напомнить, что Великобритания вступила в войну для того, чтобы противодействовать образованию мощной империи в Восточной Европе. Однако «победа» Британии способствовала появлению другой и еще более грозной империи в этом регионе мира. В результате войны Англия попала в зависимость от Америки. Черчилль пытался утопить печаль в виски, наблюдая упадок любимой Британской империи. Во время второго срока пребывания у кормила власти он был только фигурантом. Короче говоря, не составляет особого труда составить целую энциклопедию современных политиков, которые занимаются политикой совершенно бездарно и даже самоубийственно. Причем, такая энциклопедия состояла бы как из демократических политиков, выполняющих свои функции в результате выборов, так и диктаторов. Я считаю, что по сравнению с прошлым в настоящее время политические решения стали

намного более случайными. Это происходит по причине усложнения политико-экономических отношений, что, в свою очередь, затрудняет предвидение следствий большинства принятых решений. Сегодня политики в большинстве случаев руководствуются собственными желаниями, которые выходят за пределы возможностей. Кроме того, у политиков нет средств эффективного предвидения результатов совершаемых действий. Следовательно, поведение современных политиков (по сравнению с прошлым) в значительно большей степени подобно поведению шарлатанов и поклонников черной магии.

Если ограничить рассуждения техникой, то нет оснований для утверждения: техника Запада рациональнее техники эскимосов. Недавно антропологи одного американского музея провели интересный эксперимент. Они попытались усовершенствовать орудия труда и быта эскимосов, используя современные знания, но не применяя никаких импортированных материалов. В результате оказалось, что в условиях арктического климата и на основе использования доступных средств не удалось изобрести ничего лучше орудий, которые уже давно были у эскимосов.

Вебер крайне беззаботно определил как «рациональные» ряд аспектов цивилизации Запада. Не говоря уже о других ошибках Вебера, его поверхностность способствовала культивированию громадного и существующего до сих пор предрассудка о вечном превосходстве науки и техники Запада над другими цивилизациями. Во времена Вебера такая ошибка была неизбежной, поскольку практически не существовало истории науки и техники азиатских цивилизаций. Однако сегодня по этому вопросу накоплена громадная литература. Поэтому указанная ошибка становится непростительной. Труды Джезефа Нидама о науке и технике Китая представляют собой одно из грандиозных свершений в сфере истории науки в целом. В его исследованиях детально обосновано принципиальное положение: прогресс Китая в сфере науки и техники был намного больше, нежели об этом принято думать на Западе. Именно в Китае было сделано множество изобретений, которым приписывается европейское происхождение. Около 1000 н. н.э. Китай опережал Европу во всех возможных областях и аспектах развития культуры. Конечно, после Коперника и Галилея европейская физика вышла на такой уровень, который был намного выше китайских достижений. В области химии Европа обогнала Китай лишь в XVIII в., после работ Лавуазье. Европейская медицина опередила китайскую только в XIX в. А в сфере технологии производства Китай не был отсталым вплоть до промышленной революции, уступая Европе в одних, зато опережая в других областях. Не следует забывать и тот факт, что так называемая «промышленная революция» имела место не во всей Европе, а только в Англии. То была единственная страна, в которой паровая машина получила широкое распространение еще до середины XIX в. Затем машинный способ производства распространился в других странах северо-западной Европы. Что касается стран востока, севера и юга Европы (Скандинавия, Россия, Балканы, Испания, Португалия, Южная Италия),

то в них методы организации производства еще долгое время ничуть не отличались от методов, известных сотни и тысячи лет назад. И они ни в малейшей мере не превосходили методов, которые применялись в то же время в Китае и Индии.

В сфере корабельного дела и артиллерии европейские страны рано обогнали остальной мир. Однако если речь идет о пушках, то соседи европейских стран очень быстро научились пользоваться этим оружием у итальянских изобретателей, которые заимствовали в Китае изобретение пороха. Уже в XVI в. турецкая артиллерия нисколько не уступала европейской. Не надо забывать, что вплоть до поражения под Веной в 1683 г. Турция стремилась завоевать Европу, а не наоборот. Превосходство Европы в сфере военного дела начинается только с XVIII в. Как известно, Испания захватила громадные территории в Америке. Но несмотря на все усилия, так и не смогла одолеть соседа – Северную Африку. Здесь находились базы корсаров, постоянно угрожающих испанскому флоту.

Этот беглый обзор нетрудно дополнить множеством других примеров. В то же время он фиксирует фундаментальную ошибку Вебера – экстраполяцию на основании второстепенных факторов или ретроспекции. Вебер исходил из правильной посылки: наука и развитая техника – продукты рационального мышления, но на ее основе он стремился объяснить развитие науки и техники, приписывая рациональность другим аспектам европейской цивилизации. Вебер пытался найти предпосылки такой рациональности не только в эпохе, предшествующей промышленной революции, но и в донаучные времена. Без всяких оснований он приписал рациональность религиям народов, которые развили науку и изобрели машины. А поскольку корни христианства уходят в иудаизм, Вебер обнаружил ростки рациональности даже в иудаизме. Крайне удивительно, что ученый, обладающий блестящим знанием древности, практически ничего не сказал о греческой науке и философии. Хотя их связь с современной наукой может быть установлена без особого труда, чего совершенно нельзя сказать об учениях еврейских пророков.

Как известно, древние греки не смогли создать метод эксперимента. Возможно, это было связано с пренебрежением к физическому труду – уделу рабов. Однако вклад древних греков в искусство рассуждения и доказательства был несравненно больше вклада любого другого народа и эпохи. Если речь идет о логической ясности и строгости, а также об искусстве приведения научных доказательств, то дистанция между греками и самыми выдающимися философами Востока была намного больше дистанции между греческими философами и учеными и философами современного Запада. Следовательно, огромный прогресс в формировании понятийных оснований науки был совершен в политеистическом обществе. Современная наука начала развиваться только после усвоения великого наследства, созданного более двух тысяч лет тому назад. Отсюда вытекает: следует признать абсолютной неудачей попытку Вебера обнаружить корни научного способа мысли в иудаизме и христианстве.

Существует еще одна интерпретация термина «рационализация», которая обычно применяется для квалификации определенных тенденций и трансформаций культуры. Речь идет о приписывании данному термину смысла, охватывающего весь процесс расширения сферы рациональных решений человека. Как известно, эта сфера принципиально отличается от сферы инстинктивного действия и простого подражания. Однако рациональное решение в данном случае не означает ни определенности целей (человека, принимающего решение), ни тщательного расчета доходов и расходов, вытекающих из множества возможных решений. То же самое можно сказать о вероятности достижения конкретных результатов того или иного действия. С этой точки зрения сравнение образа жизни Запада с образами жизни первобытных охотников и земледельцев не позволяет сделать однозначные выводы. Как известно, научно-технический прогресс базируется на разделении труда. В основе разделения труда лежит дифференциация людей с точки зрения навыков, знаний и умственного труда, необходимого для выполнения той или иной профессии. Однако рост производительности труда обычно ограничивает сферу умений и знаний человека. В XX в. разворачивается универсальный общемировой процесс оболванивания человечества с помощью средств массовой информации, который во времена Вебера только начинался. Если даже вывести за скобку этот процесс, не составляет труда обнаружить множество доказательств для тезиса: по сравнению с первобытными охотниками и земледельцами члены современных индустриальных обществ обладают значительно меньшей сферой для самостоятельного принятия рациональных решений. Различие современных и первобытных людей аналогично различию между домашними и дикими животными. Под «современными людьми» я имею в виду тех особей, которые выполняют рутинные виды деятельности, а свободное время проводят как бараны, таращась на экран телевизора или оглушая себя механической музыкой.

Еще никто до сих пор не изобрел методы измерения указанной дифференциации людей, хотя теоретически это вполне возможно. Но на основе непосредственного наблюдения я пришел к выводу: просто для самосохранения первобытный охотник и земледелец обязан был обладать значительно большим знанием и способностью рационального мышления. Сфера знания и мысли первобытного человека намного шире сферы, характерной для современного рядового рабочего, выполняющего рутинные операции. Надо учитывать также, что большинство людей, профессиональный труд которых требует больших знаний и размышлений, проводят свободное время пассивно и бездумно. Можно вообразить индекс измерения числа рациональных решений, приходящихся на долю рядового члена общества. В результате его применения окажется, что на этой шкале мы несколько не выше так называемых «примитивных обществ». Во всяком случае я готов заключить пари: на этой шкале эскимосы опередят любую современную нацию. Так что можно утверждать совершенно определенно: нет никаких убедительных доказательств о наличии некой общей тенденции эволю-

ции, которую следовало бы определить как «рационализацию». Речь может идти только о росте общего объема знаний и количества специалистов, оперирующих рациональным мышлением в различных сферах деятельности. Иначе говоря, о прогрессе науки, техники и методов организации.

Вебер крайне беззаботно приписывал нерациональность другим системам верований. Эта ошибка частично объясняется тем, что он создавал свои труды до периода бурного развития исследований так называемых «первобытных культур». Во времена Вебера наиболее влиятельным ученым в этой сфере был Леви-Брюль – основатель теории прелогического мышления. Тот опирался только на отчеты путешественников, т.е. на материалы со вторых рук. Леви-Брюль никогда не видел первобытных обществ собственными глазами. Но спустя непродолжительное время вслед за Малиновским антропологи начали изучать языки и проводить длительные интенсивные полевые исследования. В итоге было обнаружено, что так называемые «дикари» не являются ни дикими, ни глупыми, как это показалось некоторым торопливым путешественникам. Стало ясно, что Тробрианцы Малиновского и члены племени Азанде Эванс-Причарда не менее рациональны (если учитывать объем их знаний), нежели большинство современных людей. Нет смысла сомневаться в прогрессе исследований в данной сфере. Вебер классифицировал цивилизации и религии на основе неопределенного понятия рациональности. В начале XX в. эта ошибка была вполне понятной. Но повторять такую ошибку сегодня непростительно. Правда, не надо впадать и в абсурдный релятивизм и полагать, что магия племени Азанде ничуть не хуже современной науки. Просто надо исходить из того, что научное мышление – высшая форма рациональности. Европейская цивилизация создала условия для развития науки, а ее существование в значительной степени зависит от результатов науки. Но отсюда не следует, что данная цивилизация была и продолжает быть научно запланированной и может быть названа рациональной в любом смысле этого слова. Хорошо известно, что даже великие ученые и философы нередко действуют нерационально и руководствуются необоснованными предрассудками, которые воздействуют на эмоции при рассмотрении тех или иных вопросов. Можно вообразить общество, целиком состоящее из индивидов, всегда принимающих рациональные решения. Но даже такое общество никогда не будет рациональным как целое. Как известно, люди руководствуются противоположными целями, а в результате их намерения становятся напрасными. Так что рациональными могут быть только такие ситуации, при которых все проигрывают или все выигрывают. Кроме таких гипотетических ситуаций нет никаких оснований для утверждения: один результат в такой игре более рационален по сравнению с другим результатом. Правда, можно установить определенные этические критерии и сказать: один результат лучше (справедливее) другого. Однако добро и справедливость не тождественны рациональности.

Во многих местах своих сочинений Вебер писал о цивилизации и мировоззрении как таковых. В этом случае понятие рационализации означает прогресс

науки и расширение сферы ее практического использования. Но такое объяснение лишает понятие рационализации всякой тайны и превращает его в банальность. Задолго до Вебера многие мыслители (например, Кондорсе) осознали значение развития науки, а Конт видел в ней главный источник любых социальных и культурных изменений. Так что диагноз указанной тенденции не является заслугой Вебера. Речь может идти только о его вкладе в объяснение исторических причин и обстоятельств, при которых данная тенденция не проявилась. Но вклад Вебера в решение этой проблемы пропал впустую, поскольку он использовал крайне абстрактные и неопределенные понятия рациональности и рационализации. Если же произвести замену указанных понятий, то его вклад можно сделать более устойчивым в отношении критики.

Вебер классифицировал религии, конструируя шкалу рациональности. В этой классификации имплицитно содержится посылка о существовании гармонии между способом производства, искусством организации и религией. Между тем не существует временных связей между изменениями в указанных сферах. Следовательно, Вебер противоречит самому себе. Следует напомнить, что на протяжении первого тысячелетия существования христианства имел место регресс научных знаний и разделения труда. Ускоренное развитие некоторых наций, принявших христианство, есть феномен, почти не превышающий последнюю четверть истории христианства. Если исключить первые три столетия истории церкви, то на протяжении всего остального времени догматы христианской религии почти не изменились. Тогда на каком же основании эти догматы должны быть признаны фактором прогресса, а не торможения развития науки? Именно к такому выводу подводит нас упорное противодействие церкви в отношении абсолютного большинства научных открытий. Реформация возродила фундаменталистские установки и первоначально даже обострила конфликт между религией и наукой. Джон Маккиннон Робертсон показал, что по сравнению с католицизмом в длительной перспективе протестантизм более благоприятствовал развитию науки. Но это объясняется не тем, что установки протестантов в отношении науки стали положительными. Протестантизму удалось сломить централизованную власть Ватикана, в том числе и его контроль над образом мысли.

Критерием рациональности можно считать степень соответствия мировоззренческих убеждений научным выводам. В этом случае неизбежен вывод о том, что по сравнению с буддизмом и исламом (не говоря уже о конфуцианстве) христианство менее рационально. Правда, сравнение с индуизмом не столь очевидно. Действия индуистских богов выходят за пределы законов физики и биологии еще больше, нежели действия христианских святых. Однако индуизм всегда включал разные взгляды и интерпретации, часть которых имела глубоко философское содержание и противоречила религиозному фундаментализму. Возможно, это объясняется тем, что брахманы никогда не были организова-

ны в централизованную иерархию. Кроме того, в индуизме содержатся представления о вечном возвращении вещей и о существовании бесконечных миров, не имеющих ни начала, ни конца. Эти представления более соответствуют научному знанию, нежели христианская Книга Бытия. История из этой книги была включена также в учение Магомета, подобно множеству других элементов иудаизма и христианства. Но крайне характерно, что ни евреев, ни мусульман не принуждали к вере в божественное происхождение основателя их религии, не говоря уже о его зачатии от непорочной девицы. А принципы математики не подавлялись христианским догматом: бог одновременно един и троичен. Не составляет также особого труда доказать, что по сравнению с христианством индуистская, буддистская и даосистская космология значительно больше согласуются не только с теорией Коперника, но и с теорией происхождения видов Дарвина.

Можно классифицировать религии по степени соответствия результатам науки. В этом случае на первое место мы должны решительно поставить конфуцианство. Рационалистическое и приземленное мировоззрение конфуцианства склонило некоторых ученых к утверждению: конфуцианство вообще не является религией. Однако конфуцианство наверняка является религией, по крайней мере, в этимологическом смысле слова (термин «религия» происходит от латинского *religare* – связывать). Безусловно, конфуцианство создало связи, объединяющие миллионы людей на протяжении более двух тысячелетий. Существенным свойством религии можно полагать также антропоморфическую концепцию божества или обещание загробной жизни. В этом случае неизбежен вывод: конфуцианство не является религией. Высшим существом в конфуцианстве является небо – невидимая и неперсонализованная сила, а не персонифицированный бог по образцу земного деспота, что характерно для религий, возникших на Ближнем Востоке.

На вопрос о том, что будет после смерти, Конфуций отвечал: «Если ты ничего не знаешь о жизни, откуда ты можешь знать хоть что-нибудь о смерти?» Конфуций никогда не утверждал, что существуют некие силы, которые можно назвать сверхъестественными или магическими. Конфуцианцы тоже не приписывали ему такого взгляда. Конфуцианцы не ждут никаких чудес. Святых у них нет. А в основателе собственного вероисповедания они видят великого учителя, а не бога. Поэтому веберовское определение конфуцианства как иррационального по сравнению с христианством следует признать шагом назад по сравнению со взглядами французских философов XVIII в., в том числе Вольтера. Они считали Китай образцом рационального общества, которое резко отличалось от суеверной Европы. Вебер сделал много проницательных замечаний о природе китайского общества, однако их ценность понижается вследствие указанной ошибки. Х.Г.Грил отмечает: «Если речь идет о политических и экономических институтах, то ошибки Вебера незначительны. Фундаментальные ошибки связаны с его интерпретацией религиозных верований. Этот факт поражает, по-

скольку в распоряжении Вебера находились вполне добротные исторические источники. Ситуацию можно объяснить тем, что при интерпретации религиозных верований Вебер слишком увлекся отбором специфических доказательств. Речь идет о таком отборе, который в наибольшей степени соответствует веберовскому предрассудку об иррациональности и объясняет недостаточное развитие рационального капитализма в Китае иррациональностью религии, это-са, права и бюрократии Китая. Большинство современных ученых полагает, что Китай был крайне рациональным (в любом из смыслов данного слова) по сравнению со всеми другими донаучными цивилизациями. Это замечание относится и к веберовскому определению рациональности, которым он сам на практике последовательно не пользовался»¹.

В эссе из сборника «Большое титрование» Д.Нидэм приводит аналогичные замечания:

«Чем основательнее человек познает китайскую философию, тем глубже он убеждается в ее рационалистическом характере. Чем больше человек приобретает сведений о китайской технике периода средневековья, тем больше он осознает тот факт, что в Китае были сделаны не только общеизвестные изобретения (порох, бумага, печать, магнитный компас), но и совершены такие изобретения и открытия, которые изменили направление развития западной цивилизации, а по сути дела – всего мира. Я полагаю, что чем лучше знаешь китайскую цивилизацию, тем более поражает факт: современная наука и техника не возникли в Китае».

«Чем глубже я вникаю в специфическую историю успехов науки и техники Китая периода, предшествующего времени, когда она вместе со всеми остальными этнокультурными реками впала в море современной науки, тем более у меня крепнет убеждение: революция в сфере науки имела место только в Европе и связана с особыми социальными, интеллектуальными и экономическими условиями, характерными для Европы эпохи Ренессанса... Отсутствие такого перелома в Китае нельзя объяснить недостатками китайского ума или интеллектуальной и философской традиции Китая. Наоборот, эта традиция во многих ее аспектах была более благоприятной для развития современной науки, нежели христианское мировоззрение»².

Здесь читатель может заметить, что факт остается фактом: наука и техника были созданы народами, принявшими христианство. Если отбросить Веберовский тезис о высшей рациональности христианской религии (по сравнению со всеми остальными), то как объяснить этот факт? Был ли он случайным? Прежде всего надо отбросить неудовлетворительное решение, если даже нам неизвестен правильный ответ. Во-вторых, суть проблемы находится не в содержании догматов, а в разделении духовной и светской власти. Это явление имело место только в западном христианстве, и ни в каких других частях мира у

¹ Creel H. The Beginnings of Bureaucracy in China // What is Taoism? Chicago, 1974, p.124

² Needham J. Wielkie miareczkowanie. Warszawa, 1984, s.172, 209

него не было эквивалента. Современник Вебера Отто Хинце доказал, что разделение духовной и светской власти было необходимым условием ограничения власти короля с помощью феодальных договоров и разнообразных представительных органов. Эти обстоятельства способствовали генезису автономии городов и высокого социального статуса купцов и ремесленников. Они создали также специфическое пространство свободы, в котором смогли развиваться промышленная и научная деятельность. Анализ множества фрагментов из сочинений Вебера позволяет заключить: он прекрасно знал, что отделение церкви от государства – исключительное свойство западного христианства. Но Вебер упустил из виду этот факт при анализе причинно-следственных связей в истории. Не исключено, что он был сбит с толку собственным обманчивым понятием рациональности.

Надо учитывать также, что приписывание наивысшей рациональности духовной атмосфере Европы в начале Нового времени совершенно не соответствует действительности. То был период небывалого размаха в охоте за ведьмами. Эта охота во времена Ньютона (кстати сказать, он относился к ней положительно) не была только следствием специфической культурной инерции. Именно в это время она обрела новые формы, весьма специфически направленные против женщин. Для проблемы рациональности здесь существенно то, что были отброшены различные формы сопротивления вере в существование ведьм, вытекающие из здравого рассудка. Причем, церковь тоже сопротивлялась. Но все формы сопротивления были подавлены массовой истерией и террором, характерными для данного периода. Вольтер неоднократно отмечал, что такого идиотизма в Китае никогда не было.

Крайне показательным, что охота за ведьмами неоднократно и с большим размахом повторялась во Франции, Германии и Англии, но почти не затронула Испанию, наука и экономика которой находились в то время в упадке. Испанские инквизиторы постоянно жгли на кострах еретиков-христиан, а также европейских и исламских перекрещенцев. Поскольку деятельность инквизиции служила укреплению ортодоксии и материальному обогащению, она была вполне рациональной. Этого нельзя сказать о пытках и сжигании на костре невинных девушек-невест, на которых велась систематическая охота. Она производила впечатление приступа коллективного психоза. В одной из книг я показал, что психоз был обусловлен эпидемией сифилиса³.

Вебер придавал понятию рациональности еще одно, но совершенно иное значение. Он много писал и говорил о «рациональном» капитализме как противоположности «иррационального» капитализма. Иначе говоря, он пытался связать различие между двумя формами капитализма: 1. При котором развивались определенные методы массового производства. 2. При котором они не развивались. Как будет показано, это различие обладает ключевым значением для Веберовского объяснения уникальности цивилизации Запада. Однако в таком

³ См.: Andreski S. *Syphilis, Puritanism and Witch-Hunts*. London, 1989

контексте понятие рациональности еще более ошибочно. Нет необходимости выдумывать неологизмы, если мы стремимся определить феномен технического прогресса, связанного с количественным ростом производства. Такой прогресс Маркс очень удачно определил как «развитие производительных сил». Вебер называет «рациональным» прогрессирующий капитализм. В этом смысле использование терминов «производительный» или «промышленный» для характеристики капитализма менее ошибочно. Но Вебер говорит также об «иррациональном» капитализме, используя при этом термины «разбойничий капитализм» или «политический капитализм». Речь идет о такой форме капитализма, при которой деньги расходуются на приобретение уже произведенных товаров, а не на их производство. В этом смысле римские сборщики налогов были классическим примером, которым неоднократно пользовался Вебер для иллюстрации «разбойничьего» капитализма. Термин «политический» в применении к капитализму не содержит аналогичного эмоционального заряда, но тоже не обладает описательной ценностью. Я лично предпочитаю термин «паразитический капитализм», когда вслед за Вебером пытаюсь объяснить нищету, типичную для стран Латинской Америки.

Конечно, по сравнению с захватами и грабежами производительный труд и честная торговля более моральны и образуют более совершенный путь к достижению всеобщего благосостояния людей. Но они не имеют ничего общего с проблемой рациональности. Люди могут также руководствоваться гедонистическим и аморальным экономическим расчетом. С этой точки зрения захват богатства (если человек может совершить это безнаказанно) рациональнее доходов и усилий, потраченных на производство. Поэтому в данном случае термин «рациональный» должен пониматься как «промышленный» или «производительный», а термин «иррациональный» – как «паразитический» или «разбойничий».

Вебер приписывал рациональность одним типам институтов, одновременно (эксплицитно или имплицитно) отрицая наличие этого свойства у других институтов. Такая процедура не менее сомнительна. Для Вебера «рациональной» была бюрократия, а не феодализм. Но это положение он не обосновал. И оно неизбежно остается пустым до тех пор, пока строго не определены цели, которые могут быть достигнуты с помощью бюрократии или феодализма. Поэтому возникает вопрос: для достижения каких целей бюрократическая организация является более эффективной («рациональной») по сравнению с феодализмом? К числу таких целей относятся: максимизация власти правящих групп; военная сила государства; удержание низших классов в подчинении. Однако даже при определенных таким образом целях ответ на вопрос невозможен без приведения условий, при которых должны действовать указанные структуры. Следует исходить из того, что абсолютное большинство властителей стремятся удержать или увеличить свою власть над подданными. А средства достижения этой цели подбираются в соответствии с ситуацией, в которой находятся вла-

ститители. С этой точки зрения феодализм был единственно реальным (и наиболее «рациональным») способом осуществления власти над сообществом безграмотных людей, рассеянных на больших пространствах в то время, когда разделение труда, города и денежный обмен были развиты слабо. Известны случаи эпигонского заимствования бюрократических структур, но они быстро приходили в упадок, открывая дорогу феодализму. Это объясняется тем, что локальные экономические и культурные условия больше соответствовали феодальным, а не бюрократическим структурам. Показательным примером может служить Япония периода Нара. В это время японские императоры ввели административную систему, заимствованную в Китае. Однако в Японии не было больших долин со сплавными реками и местами для проведения больших ирригационных работ. Не было и каналов, по которым можно было бы транспортировать налоги в натуре. В итоге заимствование Японией китайской бюрократии оказалось только эпизодом. Эта система управления рухнула без всякого давления извне (то есть, иначе, чем это имело место в Риме) и уступила место феодализму.

Вебер считал бюрократию такой организационной формой, которая (с точки зрения максимизации силы государства) рациональнее феодализма и патриониализма (так Вебер называл примитивный деспотизм, не располагающий административной машиной с образованными чиновниками). Однако это положение Вебера не менее ошибочно. Надо учитывать, что эффективность использования систем управления зависит от ряда условий: вида оружия, тактики, типа экономических и культурных отношений, географической среды. В XVIII в. полуфеодальное Королевство Польши и Литвы без сопротивления подчинилось разделу со стороны абсолютистско-бюрократических государств Пруссии, России и Австрии. Тогда как централизованно-бюрократическое государство Византии в XIII в. потерпело поражение от крестоносцев из феодальных монархий Западной Европы. А четыре века спустя Маньчжурия, родоплеменное государство которой на языке Вебера можно определить как патримониальное, победило громадную бюрократическую империю Китая.

Из того, что Вебер писал на тему рациональной власти и бюрократии, вытекает: прилагательное «рациональный» в отношении к ним надо заменить выражением «формально и детально организованный». Тогда понятие рационализации надо заменить выражением «рост детально организованных формальных организаций». Если же мы хотим выразиться короче, то лучше использовать Спенсеровское определение «прогресс организации», поскольку оно означает то же самое.

Таким образом, Вебер включил в объем одного термина ключевые понятия своих великих предшественников. Более того, он запутал суть дела, придав термину «рациональность» несколько совершенно противоположных значений, в чем нетрудно убедиться. С точки зрения ясности понятий его вклад в науку по этому вопросу был абсолютно отрицательным. Для решения вопроса следует

обратиться к Конту, Марксу и Спенсеру. Речь идет о поиске термина, который включает в свой состав прогресс знаний, производительных сил и организации. В этом смысле Спенсеровское понятие «эволюции» намного эффективнее по сравнению с Веберовским термином «рационализация». По аналогии с биологией можно сказать: по сравнению с организмом амебы организм млекопитающего более развит, но невозможно утверждать, что он более рационален. Таким же образом в социологии и антропологии имеет смысл утверждение: по сравнению с обществом пещерных людей наше общество более развито, но не более рационально. Правда, Спенсер определял эволюцию в категориях роста дифференциации и интеграции органов и функций, т.е. как сложение. Но понятие эволюции можно использовать в более широком смысле и полагать, что этот процесс связан с накоплением знания и развитием производительных сил. И все же тесная взаимосвязь указанных трех процессов далеко не абсолютна. Нетрудно привести примеры крайне слабой связи между ними. По сравнению с Римской империей средневековые общества обладали более простой социальной структурой, но их техника была более развитой. По сравнению с наукой средневековья греческая наука была более развитой, но в сфере техники дело обстояло совершенно иначе. И все же в целом указанные три процесса взаимосвязаны в такой степени, что их можно включить в состав одного понятия. Таким понятием может быть только «эволюция», а не «рационализация». Разумеется, и рационализацию можно определить таким образом, чтобы она соответствовала указанному значению. Однако такая дефиниция привела бы только к путанице понятий и противоречила бы этимологии слова «рационализация».

В большинстве текстов Вебер пользовался термином «рациональность» без дополнительных определений. Однако из социологии права можно узнать, что он понимал как противоположность рациональности. В «Хозяйстве и обществе» читаем:

«...законодательство и судопроизводство могут быть как рациональными, так и иррациональными. Они являются формально иррациональными тогда, когда решения принимаются не на основе рассуждения, а на основе других методов, таких как пророчества или их эквиваленты. Они являются материально иррациональными в том случае, когда решения опираются на этическую, эмоциональную или политическую оценку отдельных вопросов, а не на общие принципы»⁴.

Теперь стало ясно, что имел в виду Вебер. Однако противоположностью того, что он описывает в приведенном отрывке, является «установленный в соответствии с правом», а не «рациональный». Более того, понятие «материально рационального права» есть плеоназм. Если отдельные дела не решаются на основе общих принципов, а в соответствии с «эмоциональной или политиче-

⁴ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1922, s.395. Цитата приводится в свободном переводе, поскольку буквальный перевод был бы непонятным (прим.автора, В.М.)

ской оценкой», то установленные законы либо не существуют, либо не соблюдаются. Иначе говоря, в этом случае мы имеем дело либо с отсутствием, либо с нарушением права. Понятие «материально иррационального права» (т.е. такого права, в котором не существует ни одного общего принципа) внутренне противоречиво. И сам Вебер был недалек от признания собственной ошибки, когда утверждал: «Любое сформулированное право является (по крайней мере, относительно) формально рациональным». Это напоминает выражение: «Каждый цветок является (по крайней мере, относительно) цветистым». Кроме того, принцип, согласно которому приговор выносит пророчица, является не менее общим и определенным (в терминологии Вебера «материально рациональным»), нежели принцип, в соответствии с которым решение выносится апелляционным судом. Правда, можно сказать, что вера в пророчество иррациональна. Но в этом случае высказывается суждение о религиозных верованиях, а не о праве. Если полагать, что устами пророчицы говорит Бог, то пользоваться ее услугами вполне рационально. Если считать отбрасывание религиозных верований рациональным действием, то термин «рациональный» используется не в том смысле, который придал ему Вебер. А в том значении, которое используется людьми, называющими себя рационалистами. Речь идет об индивидах, которые признают разум и чувственное познание единственным источником знания и отбрасывают возможность любого общения со сверхъестественными существами. Если требование соблюдать закон полагать целью, на основе которой устанавливается рациональность судебных процедур, то неизбежен вывод: обращение африканских племенных судов к пророчицам эффективнее (а тем самым и рациональнее), нежели установившаяся в современной Англии практика принесения свидетельств под присягой от имени всемогущего Бога. Исследования общественного мнения показали, что абсолютное большинство людей в этой стране не боятся божьей кары.

Какая из современных правовых процедур (британская или французская) рациональнее с точки зрения провозглашенных законодателями целей или ценностей, распространенных в общественном мнении? Дискуссия на эту тему не лишена смысла, поскольку Англия и Франция могут сравниваться между собой по этому критерию. Однако нет никакого смысла приписывать иррациональность обычному праву племени банту или зулусов и сравнивать его с правом Великобритании, Франции или США, которому приписывается иррациональность. По сути дела, многие аргументы свидетельствуют в пользу вывода: законы племени банту рациональнее с точки зрения защиты локальных ценностей и культур, нежели современные правовые системы стран Запада. Если решение суда принимается в соответствии с критерием совпадения с этическими принципами большинства людей или в соответствии с целями и ценностями, провозглашаемыми законодателями в парламентских дебатах, то современные британские законы о разводах следует признать крайне иррациональными. Причем, такую дозу иррациональности невозможно обнаружить в супружеских

обычаях ни одного из племен Африки, которые я изучал длительное время. По существу, современные британские законы о разводах можно признать рациональными только с точки зрения максимизации доходов юристов, причем такой доход приходится рассматривать как единственный критерий.

Если вместо термина «рациональный» использовать выражение «соответствующий закону и предвидимый», то Веберовская аргументация в принципе верна, но не свобода от частных ошибок. Вебер совершенно верно подчеркивал, что рыночная экономика (или капитализм) может развиваться только там, где правовые последствия сделок могут быть предвидимы с большой степенью определенности. Как хорошо известно, без защиты права собственности и строгого соблюдения договоров невозможно предвидеть ни прибыль, ни даже цену сделок. Если соблюдение правовых обязательств зависит только от прихоти и воображения индивидов, то бизнес превращается в чисто азартную игру. Банки не могут функционировать там, где возврат долга зависит от оракула пророчицы или от сражения. Но общества, которые используют такие методы решения споров, обычно крайне примитивны и в других сферах культуры – технике, просвещении, поддержании внутреннего порядка. В результате они не могут развить разделение труда и интенсивный обмен. Так что объяснять феномен отсутствия капитализма у древних тевтонов иррациональностью германского права не менее смешно, чем объяснять неумение ребенка водить автомобиль тем, что он не может спокойно сидеть за рулем. Для объяснения вопроса о развитии капитализма наиболее подходящая процедура заключается в сравнении Европы XVI-XVIII вв. с великими цивилизациями Азии и древности.

При анализе Китая Вебер недооценил феномен постоянства права, которое оставалось неизменным на протяжении целых эпох существования империи. Этот недостаток понятен, поскольку из-за отсутствия источников Вебер судил о Китае на основе мнения, распространенного в Европе XIX в.: Китайская империя неожиданно погрузилась в хаос. Конечно, многие законы в Китае сдерживали развитие экономической предприимчивости. Эти законы не только затормозили, но и отбросили назад развитие класса купцов, рост которого достиг пика около 1000 г. Однако данные законы устанавливались мандаринами как раз для достижения указанной цели и были не менее рациональными по сравнению с другими.

Современники Вебера Карл Бекер в работе «Ислам и экономика» (1916 г.) и Максим Родинсон в книге «Ислам и капитализм» (1966 г.) доказали, что Вебер недооценил также исламское право. Оно вполне успешно защищало собственность и торговлю. В принципе можно исходить из того, что после периода расцвета исламской цивилизации в XIII в. наступил ее закат. В более поздние времена (особенно начиная с XVIII в.) в странах ислама измерение права стало менее регулярным и предвидимым по сравнению со странами западного христианства. Однако этот феномен не связан с содержанием самого права, а объясняется его несоблюдением. Оно было обусловлено деспотизмом и произво-

лом сатрапов и солдат, коррупцией судей и чиновников, а также грабежом оккупантов. Вебер хорошо знал об этом. И он был прав, усматривая в нестабильности правовой системы главную преграду для развития рыночного хозяйства на Ближнем Востоке. Однако он совершенно не учел тот факт, что перечисленные обстоятельства являются вполне достаточным объяснением застоя рыночной экономики. Тогда как Вебер в целях объяснения попытался создать умозрительную и ничем не обоснованную иерархизацию правовых систем в соответствии со шкалой рациональности.

Если даже задаться целью конструирования такой шкалы, то единственно верным способом ее создания был бы ответ на вопрос: существуют ли какие-либо конкретные цели, достижению которых служат данные правовые системы? Для ответа на вопрос надо установить, действительно ли данные системы способствуют достижению данной цели. В этом случае можно сказать о конкретной правовой системе: она рациональна на том же основании, на котором высказывается суждение о рациональности промышленного предприятия. Если все формы действия служат достижению максимальной прибыли как единственной цели, то промышленное предприятие рационально. Однако использование этого критерия ведет к следствию, который противоречит выводу Вебера. Исторический опыт свидетельствует, что наиболее «рациональными» являются такие правовые системы, которые устанавливались деспотами, не совсем бездарными. Например, в период Ивана III и Ивана Грозного, а особенно в эпоху Петра I русские законы были крайне рациональными в том смысле, что они блестяще служили достижению одной-единственной цели – максимизации внутренней и внешней власти царя. В том же смысле были рациональными (или рационализированными) законы Оттоманской империи, особенно в период расцвета ее могущества. Английское право было значительно рациональнее в период Вильгельма Завоевателя, нежели в Викторианскую эпоху или в настоящее время. По существу рационализация такого типа обратно пропорциональна развитию промышленной рыночной экономики (или капитализма). Рыночная экономика возникает только в таких обществах, в которых ни один индивид и ни одна олигархия не являются настолько сильными, что могут подчинить себе все остальное общество и так сформировать правовую систему, чтобы она служила только интересам данного индивида или олигархии.

Вебер многократно говорил о правовых гарантиях капитализма. В этом случае понятия «рациональный» и «рациональность» следует заменить терминами «правопорядок» или «правовая защита». Имеется в виду положение, при котором право и процессы его применения свободны от произвольного вмешательства власти. За сто лет до Вебера Монтескье доказал, что достижение такого положения зависит от разделения и равновесия властей. В свою очередь, это исключает рационализацию (в смысле подчинения права одной цели), за исключением крайне редких случаев всеобщего согласия граждан.

В социологии права и экономической теории Вебер использовал понятия рациональности в более определенном смысле, нежели в других контекстах. В «Хозяйстве и обществе» он дает такое определение: «Под формальной рациональностью экономической деятельности понимается такая степень расчета, которая технически возможна или фактически применяется»⁵. По отношению к данной дефиниции можно высказать первое замечание о ее несоответствии правилам логики: все, что фактически применяется, должно быть технически возможным; однако то, что единственно возможно, может фактически не применяться. Следовательно, критерий технической возможности излишен и потому ошибочен. Во-вторых, использование крайне смутного понятия «формальная рациональность» бесполезно, поскольку оно не содержит ничего нового по сравнению с понятием «применение расчета». Поэтому выражение «формальная рациональность экономической деятельности» следует заменить определением «калькулируемая экономическая деятельность» или просто «экономический расчет». Убедиться в обоснованности такой замены можно уже на следующей странице трактата Вебера: «...деньги – это наиболее совершенное средство экономического расчета, то есть, они являются наиболее формально-рациональным средством, управляющим экономической деятельностью»⁶. Определяя деньги как «наиболее совершенное средство», Вебер опять-таки не говорит ничего нового. Деньги – единственное средство экономического расчета. При меновом хозяйстве можно вычислить стоимость товаров, но невозможно вычислить отношения меновой стоимости между различными товарами, поскольку общей единицы измерения не существует.

Талкотт Парсонс перевел Веберовскую дефиницию «материальной» рациональности следующим образом:

«...субстанциальная рациональность» есть степень, в которой данная группа людей (независимо от того, как ее определяем) обеспечена или может быть обеспечена надлежащим образом товарами путем экономически ориентированного процесса социального действия. Данный процесс действия может быть объяснен в категориях установленной совокупности основных ценностей, независимо от того, какими они были раньше»⁷.

Парсонс неправильно перевел Вебера, хотя этот недостаток типичен для его перевода. Парсонс подчинил именам существительным совершенно не те глаголы. В итоге из приведенных бестолковых и длинных предложений можно извлечь единственный смысл: «материальная рациональность» означает удовлетворение потребностей на основе экономической деятельности. Я предлагаю свой перевод данного фрагмента из «Хозяйства и общества». Для меня важно показать, что Вебер не был настолько банальным (как его представляет Парсонс), хотя писал неясно. Чтобы сделать текст понятным, я поместил

⁵ Weber M. Op.cit., s.44

⁶ Ibidem, s.45

⁷ Parsons T. The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947, p.185

подчиненные предложения в круглые скобки. В квадратных скобках приведены дополнительные выражения, автором которых являюсь я:

«В противоположность (формальной рациональности) под материальной рациональностью (экономической деятельности) понимается степень, при которой способ обеспечения (посредством любой формы экономической активности) товарами любой группы людей (независимо от того, как она определяется) происходит с учетом определенной совокупности ценностей (каким бы они ни были), на основе отнесения к которым данный способ будет, может или мог бы оцениваться». Этот фрагмент взят из незавершенных записей, обнаруженных на письменном столе Вебера после его смерти. Сохраняя благосклонность к автору, можно предположить, что он отдал бы в печать указанный фрагмент в приведенном виде. Но даже самая благосклонная интерпретация данного предложения не содержит никакой новизны и показывает Вебера в самом неприглядном виде.

В отношении терминологии гуманитарных (неточных) наук следует использовать принцип операционализации Бриджмена и принцип фальсификации Поппера. В итоге можно сформулировать следующие критерии правильности терминов в гуманитарных науках:

1. Каждый термин должен определяться таким образом, чтобы он четко фиксировал вид наблюдаемых явлений, которые в каждом конкретном случае дают нам возможность принять решение о том, можно или нельзя пользоваться данным термином.

2. Примеры возможности или невозможности использования терминов должны быть чувственно воспринимаемыми или, на худой конец, представленными настолько детально, чтобы можно было определить их существенные и наблюдаемые свойства.

Приведенная дефиниция «материальной рациональности» не удовлетворяет обоим критериям. Невозможно ни обнаружить, ни вообразить такой вид экономической деятельности (как и любой человеческой деятельности), который бы не осуществлялся в соответствии с определенными ценностями. Следовательно, дефиниция Вебера бесполезна. «Материальная рациональность» может означать только «подчинение действия одной цели».

Но это не значит, что исторический анализ Вебера вообще не обладает никакой ценностью. Он может ею обладать только при условии: везде, где говорится о рациональности экономических отношений, следует применять понятие экономического расчета. Оно способно выдержать критику. Вебер абсолютно прав, когда утверждает, что такой расчет есть основа рационального действия. Но он не прав, полагая, что расширение сферы применения экономического расчета способствует росту рациональности. В действительности может иметь место следствие изменения основных жизненных целей. Например, в том случае, если супруги начинают считать стоимость услуг, предоставленных друг другу. Поведение каждого из них может быть рациональным с точки зрения ин-

дивидуального дохода. Однако такое поведение не может рассматриваться как рациональный метод укрепления семейной связи и супружеской любви. Частота экономического расчета в семье позволяет заключить, что ее члены уже не любят друг друга. Из Веберовского способа использования категорий «рациональность» и «рационализация» вытекает: чем менее люди подвижны щедростью, чувством справедливости и незаинтересованностью, тем более рационально общество. Однако множество других положений Вебера противоречат такому выводу. Следовательно, мы еще раз убедились в наличии серьезных противоречий в терминологии, которой он пользовался.

Многие утверждения Вебера станут более устойчивыми в отношении критики, если термин «рационализация» заменить выражением «расширение сферы экономического расчета». Особенно это относится к его тезису о влиянии протестантской этики на рационализацию образа жизни. Правда, причинная связь здесь весьма опосредована. Ни один из пророков протестантизма не призывал верующих руководствоваться экономическим расчетом. Вожди протестантов призывали к трудолюбию и сдержанности. Тем самым они способствовали развитию бережливости и накоплению капитала. Таким образом они повлияли на развитие рыночной экономики, которая, в свою очередь, увеличила сферу экономического расчета.

В то же время ни приведенные дефиниции, ни предложенная Вебером классификация типов действия не дают оснований для вывода: цель накопления капитала на основе упорного труда является более рациональной по сравнению с другими способами накопления богатства и стремлениями к достижению других жизненных целей.

Нетрудно убедиться, что в целом Вебер был прав, когда рассматривал протестантизм (особенно кальвинизм) как стимул для развития капитализма. Но он ошибался, полагая «рационализацию» образа жизни элементом, связывающим протестантизм и капитализм. Такая «рационализация» не столько пролагала путь «рациональному» бизнесу, сколько была его следствием. В аналитической философии со времени Юма общеизвестно положение: конечные цели не могут квалифицироваться как рациональные или нерациональные. Иначе говоря, невозможно решить, кто поступает более рационально: бизнесмен, который лишает себя свободного времени и удовольствия ради денег; художник, который предпочитает жить в нищете, посвящая жизнь живописи; или «птица небесная», которая не может вынести скуку одного занятия и постоянно меняет род деятельности и место жительства. А что же рационального в тяжелом труде и экономной жизни, если человек располагает достаточным количеством средств для того, чтобы отдыхать и пользоваться благами жизни? Эти примеры показывают, что все зависит от ценностей, которые для людей являются конституирующими. Я уже упоминал книгу «Сифилис, пуританство и охота за ведьмами». В ней я попытался показать, что главной причиной роста бережливости в период рождения пуританства был панический страх перед любыми

удовольствиями. А страх был вызван эпидемией сифилиса, которая в то время свирепствовала в Европе.

Вообще говоря, есть нечто иррациональное (т.е. нелогичное) в том, чтобы верить в предопределение и одновременно занимать активную жизненную позицию. Если спасение или осуждение человека на вечные муки были предрешены еще до рождения, то зачем ему напрягаться? Такая вера в предопределение нередко квалифицируется как фатализм и полагается причиной стагнации и регресса мусульманских стран. Почему же аналогичное явление стало причиной трудолюбия, предприимчивости и бережливости кальвинистов? Характерная для мусульман апатия с логической точки зрения более соответствует вере в предопределение. Следовательно, апатия в большей степени заслуживает имени рациональной жизненной позиции. И все же весьма вероятно, что кальвиновская доктрина предопределения каким-то образом повлияла на генезис капитализма, связывая нищету с осуждением на вечные муки. Тем самым была опрокинута вечная традиция церкви – трактовка нищеты как добродетели и связанная с нею моральная обязанность подаяния бедным. Как верно заметил Вебер, представление о том, что бедные тоже осуждаются богом, облегчило для богатых накопление капитала, освободив их от угрызений совести. Более того, доктрина предопределения способствовала ограничению щедрости и расточительства. Тем самым она способствовала укоренению среди бедняков трудолюбия и расчета. Каждый человек, который не мог сам себя обеспечить и не обладал капиталом, был поставлен перед лицом смерти.

Почему же Вебер определил как «рационализацию» столь сложную совокупность произвольных и логически не связанных верований? Почему вера в текст Библии рациональнее веры в слово священника? Дело в том, что бизнесмен целиком посвящает себя деланию денег. Поэтому по сравнению с другими людьми экономический расчет играет большую роль в его жизни. Но то же самое можно сказать о хитром политике, о планирующем битву генерале, об организующем свой ганг мафиози. Все они должны приложить большие усилия для осторожного планирования и оценки возможных прибылей и потерь. Испанский идальго предпочитает подвергать свою жизнь опасности в различных приключениях, нежели унижаться жизнь, основанной на собственном труде. Член племени Квакиутлей во время торжественного пари-потлача полностью уничтожает накопленное им же самим имущество для того, чтобы снискать уважение соплеменников. Все они действуют в соответствии с собственными ценностями и с помощью надлежащих средств. Иначе говоря, по сравнению с бизнесменом они действуют не менее рационально, хотя менее руководствуются экономическим расчетом. Не исключено, что неудачно избранный Вебером термин есть следствие псевдосиллогизма. Его первая и явная посылка гласит: экономический расчет равен рациональности как таковой. Вторая и скрытая посылка связана с допущением: если институт или верование способствуют расширению сферы рациональности (т.е. экономического расчета), то они тоже

рациональны. Этот комплекс необоснованных посылок должен быть скорректирован для того, чтобы верно оценить Веберовский анализ исторических причинных связей.

Итак, мы обнаружили несколько разных и даже противоположных смыслов, которые скрываются за Веберовским термином «рациональность». Мы убедились также, что основная причина включения в состав одного термина множества различных явлений состоит в определенной связи. Она возникает между данными явлениями, если они рассматриваются как условия (аспекты) генезиса и развития промышленной цивилизации. Этот процесс был следствием прогресса науки, техники и искусства организации, развитие которых базировалось на накоплении эффектов правильного или рационального рассуждения. Несомненно, по сравнению с другими цивилизациями промышленная цивилизация (с опорой на науку) развивала области, в которых рациональное мышление обладало первостепенным значением. Однако накопление эффектов рационального мышления ведет к непредвиденным последствиям, которые противостоят поставленным целям. Эти последствия невозможно признать рациональными в любом из смыслов данного понятий, как бы мы его не определяли. Кроме того, зачастую продукты рационального мышления используются нерационально (неэффективно), а также для достижения иррациональных целей. Рост объема рационального мышления и общая рациональность всей социальной структуры и культуры – это два разных феномена, которые противостоят друг другу. Ни Вебер, ни кто-либо другой не доказал, что эти явления взаимосвязаны. И никто еще не привел убедительных аргументов, на основании которых они должны гармонично сосуществовать. Веберовская иерархизация цивилизаций в соответствии со шкалой рациональности не имеет под собой никаких оснований. Поэтому надо отвергнуть эту идею. И при этом иметь в виду, что Вебер пытался упорядочить цивилизации согласно степени, в которой каждый из них использует рациональное мышление, включая экономический расчет.

Для технико-экономического прогресса надо вкладывать инвестиции прежде всего в производство, а не в грабеж. Иначе говоря, прогресс порожден ориентацией капитализма на производство, а не на грабеж и эксплуатацию. Уже отмечалось, что примером последней ориентации для Вебера были налогосборщики Древнего Рима. Я думаю, что именно по этой причине Вебер называл промышленный капитализм «рациональным», а разбойничий – «иррациональным».

Для развития промышленного капитализма нужна подробно разработанная система права (в широком смысле слова), которое используется регулярным и предвидимым образом. Поэтому Вебер называл «рациональной» систему права, которая удовлетворяет данному условию, а развитие правовой системы в данном направлении квалифицировал как «рационализацию права».

Промышленный капитализм не может развиваться без достаточно централизованной, строго организованной и регулярно функционирующей публичной

администрации. По этой причине Вебер называл «рациональной бюрократией» административные машины, которые обладают указанными свойствами. А те системы, которые такими свойствами не обладали (т.е. были более простыми, менее централизованными и функционировали нерегулярно), получили этикетку «нерациональных».

Наличие денег и расчет доходов и расходов – наиболее очевидное условие развития рыночной экономики, в том числе рыночного капитализма. По этой причине Вебер поставил знак равенства между экономическим расчетом и рациональностью, совершенно пренебрегая проблемой величины, иерархии и невозможности сравнения стоимости товаров.

Для прогресса промышленного капитализма требуется культивирование обычая упорного и систематического труда, бережливости, инвестиций в производство. На этом основании Вебер называл «рациональным» образ жизни, который соответствует данным свойствам. По этой причине он полагал монашеские ордена средневековья центрами экономической рациональности. Они приписал «рациональность» религиям, которые успешно формируют перечисленные установки. И квалифицировал как «иррациональные» те религии, которые мало или вообще не способствуют развитию таких установок. Именно это имел в виду Вебер, когда писал о вкладе протестантизма в «рационализацию» образа жизни.

Нетрудно убедиться, что «семантический мешок» Вебера содержит главную идею. Она состоит из комплекса рациональных положений, хотя между ними нет логического соответствия. Вебер пытался охватить все явления с помощью одного общего понятия. Такая попытка не имеет ничего общего с поведением, которое способствует развитию знания. В заключение подчеркну еще раз: труды Вебера, особенно его работы, в которых содержится объяснение исторических процессов, станут более устойчивыми в отношении критики, если понятие «рациональности» и все его производные заменить другими соответствующими терминами.

Перевод с польского В.П.Макаренко